

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St.-Petersbourg.

Tome XV.
(1911 - 1912).

St.-Petersbourg, 1912.

Замѣтки о фонетическихъ и структурныхъ основахъ алеутскаго языка.

В. И. Тохельсона.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 17 октября 1912 г.)

Я изучалъ алеутскій языкъ въ экспедиціи О. П. Рябушинскаго, организованной при содѣйствіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. На Алеутскихъ островахъ я провелъ одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ. На алеутскомъ языкѣ теперь еще говорятъ около 2000 человекъ: жители трехъ селеній на полуостровѣ Аляскѣ, на семи обитаемыхъ еще островахъ, принадлежащихъ Соединеннымъ Штатамъ, и на двухъ русскихъ островахъ изъ группы Командорскихъ.

Можно различить два діалекта: уналашкпнскій, или восточный, и аттовскій, или западный, и одинъ поддіалектъ — аткинскій.

На восточномъ діалектѣ говорятъ алеуты Аляскайскаго полуострова и острововъ: Уналашки, Умнака, Акутана, Св. Георгія и Св. Павла. На западномъ нарѣчій — жители острова Атту и нашего острова Мѣднаго. На аткинскомъ поддіалектѣ говорятъ жители острова Атки и нашего острова Беринга. Указанные діалекты отличаются между собою нѣкоторыми фонетическими и грамматическими особенностями.

Алеутскій языкъ тѣсно связанъ съ эскимосскимъ, но въ какой степени можно лексически отождествлять его съ эскимосскими нарѣчійми, пока трудно сказать. Для выясненія этого вопроса еще потребуетъ сравнительное изученіе лексическаго матеріала алеутскихъ и эскимосскихъ нарѣчій. Но уже бѣглое знакомство съ имѣющимися у меня работами по эскимосскимъ языкамъ обнаруживаетъ не мало общихъ корней съ алеутскими. Что же касается

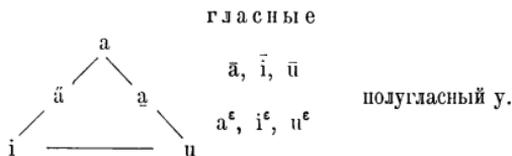
фонетики и морфологии языка, то не может быть сомнѣнія въ томъ, что, несмотря на нѣкоторыя уклоненія алеутскаго языка отъ нарѣчій эскимосскаго языка, психическая основа морфологии и физиологическая фонетики, какъ и значительная часть грамматическихъ элементовъ, совершенно тождественны въ обоихъ языкахъ.

Каково бы ни было рѣшеніе вопроса о происхожденіи алеутскаго племени, несомнѣнно, что алеутскій языкъ происходитъ изъ одного источника со всѣми эскимосскими нарѣчійми и, по всей вѣроятности, составляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ эскимосскихъ диалектовъ.

На эскимосскихъ нарѣчійяхъ говорятъ въ настоящее время около 40 000 человекъ, разбросанныхъ по всему сѣверному краю Сѣверной Америки, между Гренландіей и Лабрадоромъ, съ одной стороны, и Беринговимъ проливомъ, съ другой. Въ Аляскѣ эскимосскій языкъ спускается въ приморской полосѣ значительно южнѣ Берингова моря — до территоріи Тлинкитовъ, а черезъ Беринговъ проливъ онъ перекочевалъ на сѣверо-востокъ Сибири. Тринадцать эскимосскихъ селеній находятся на нашемъ Чукотскомъ полуостровѣ.

Сколько всего именно эскимосскихъ нарѣчій, въ точности еще неизвестно. Диалектологія эскимосскаго языка еще мало выяснена, но можно сказать, что диалекты самой Аляски и на востокъ отъ Аляски до рѣки Мекензи составляютъ западную вѣтвь, а диалекты отъ Гудзонова залива до Гренландіи и Лабрадора — другую вѣтвь языка. Третья группа диалектовъ, между Гудзоновимъ заливомъ и рѣкой Мекензи, еще мало выяснена. Литература объ эскимосскихъ нарѣчійяхъ настолько обширна, что еще въ 1887 году Этнологическое Бюро въ Вашингтонѣ издало цѣлую книгу въ 118 стр., составленную J. C. Pilling'омъ подъ заглавіемъ *Bibliography of the Eskimo Language*. Качественно указанная въ этомъ каталогѣ литература далеко не одинакова; есть масса статей, неимѣющихъ никакого научнаго значенія.

Система звуковъ алеутскаго языка.

Въ алеутскомъ языкѣ только три гласныхъ звука. Въ этомъ отношеніи онъ отличается отъ эскимосскихъ нарѣчій, въ которыхъ встрѣчаемъ гласные

изъ рядовъ е и о¹⁾. Кромѣ открытаго и широкаго а, узкогубнаго и и узко-нёбнаго і, мы имѣемъ еще ѣ, приближающееся къ е (какъ въ англійскомъ словѣ hat; обыкновенно это — короткое а съ удареніемъ), и короткое а въ положеніи между а и о, какъ въ англійскомъ словѣ not. Всѣ три гласные могутъ быть долгіе — ā, ē, ō — и съ энергетическимъ выговоромъ — а^ε, е^ε, о^ε. При усвоеніи алеутскимъ языкомъ русскихъ словъ о переходитъ въ и, а е — въ і; напримѣръ: столъ будетъ stúlaḥ. Къ сонантамъ надо еще прибавить полугласный у, который, какъ отдѣльный звукъ, произносится какъ і со слабой артикуляціей; напр., аукáгихъ — лисица. Въ этомъ примѣрѣ ау не является дифтонгомъ, каковыхъ нѣтъ въ алеутскомъ языкѣ. у произносится самостоятельно, но слабо. Съ послѣдующимъ гласнымъ у произносится какъ нѣмецкое j, капр. уáгаḥ — дерево.

Согласные.

	Губо-губ- ные.	Передне- язычные зубные.	Альвеоляр- ные.	Передне- нёбные.	Средне- нёбные.	Вспирные.	Увуларные.
Смычные {	глухіе.	—	—	t, t'	ʈ	—	k
	звонкіе.	—	d	—	—	—	g, gw
Спиранты {	глухіе.	—	—	s	s	—	x'
	звонкіе.	—	—	z	—	—	x
Фрикативные	—	—	—	—	c	k'	—
Носовые.	m	—	—	n, ñ, ñ	—	ñ	—
Латеральные {	глухіе.	—	—	—	l'	—	—
	звонкіе.	—	l	—	—	—	—
	фрикативные.	—	—	—	—	tl	—

1) См. William Thalbitzer, A phonetical Study of the Eskimo Language based on observations made on a Journey in North Greenland 1900—1901. Copenhagen, 1904.

Согласныхъ звуковъ, какъ видно изъ предыдущей таблицы, тоже не-много. Многие изъ нихъ являются модификаціями одного и того же звука. Такъ мы имѣемъ четыре варіаціи звука n: обыкновенный носовой n, ñ съ усиленнымъ носовымъ выговоромъ, смягченный ñ и п, соединенный въ одинъ звукъ съ послѣдующимъ велярнымъ g (ñ).

ḍ произносится при помощи приложенія кончика языка къ нижнему краю верхнихъ рѣзцовъ. Звукъ получается почти интредентальный, соответствующій англійскому th въ словѣ those съ той только разницей, что алеутскій ḍ есть мягкій сонантъ.

z является среднимъ звукомъ между русскими с и ш.

ʒ произносится почти, какъ съ.

c произносится, какъ средній звукъ между русскимъ ц и ч.

l произносится, какъ англійскій l.

l' произносится съ большимъ замыканіемъ передъ взрывомъ, чѣмъ l, и съ сильной экспираціей; встрѣчается въ концѣ словъ.

g—чрезвычайно мягкій велярный г. Иной разъ я его слышалъ, какъ h, не свободно выдыхаемый, а со слабымъ велярнымъ замыканіемъ.

g̃ я бы охарактеризовалъ, какъ звукъ средній между мягкимъ g и увулярнымъ г.

k произносится почти, какъ русское к.

k̃ есть к съ сильнымъ выдыханіемъ.

q является увулярнымъ к.

x̃ произносится, какъ ch въ нѣмецкомъ Bach.

x̄ произносится, какъ ch въ нѣмецкомъ ich.

t̃ есть t съ долгимъ замыканіемъ передъ взрывомъ, ставится въ концѣ словъ и произносится съ сильной экспираціей.

t̄ церебральный звукъ, произносимый нижней стороною кончика языка, обращенной къ нёбу.

m является единственнымъ чистымъ губо-губнымъ звукомъ. Звукъ же gw является губо-губнымъ сонантомъ w, соединеннымъ въ одинъ звукъ съ предшествующимъ велярнымъ g. Произношеніе gw весьма близко къ произношенію wh въ англійскомъ словѣ where.

Въ аттовскомъ нарѣчій звуки gw и d отсутствуютъ и gw замѣняется m, а d полугласнымъ y. t̄l встрѣчается только въ аттовскомъ нарѣчій.

z употребляется только въ аткинскомъ нарѣчій и является среднимъ звукомъ между русскими з и ж. Надо еще упомянуть свободно выдыхаемый звукъ h, встрѣчаемый въ аттовскомъ нарѣчій въ началѣ слова.

Структура языка.

Чтобы дать представление о грамматическомъ строѣ языка, я рассмотрю вкратцѣ тѣ основныя части рѣчи, которыя необходимы для образованія предложеній, а именно: имя существительное, мѣстоименіе и глаголъ.

Имя существительное.

Имена существительныя, какъ и другія части рѣчи алеутскаго языка, измѣняются только при помощи суффиксовъ, т. е. паранцій съ конца слова. Единственный префиксъ *ku* мы находимъ въ образованіи одной изъ формъ условнаго наклоненія.

Измѣненіе именъ существительныхъ:

безъ притяжательныхъ окончаній.

Абсолютный пад.		Относительный пад.
áda-x̄	отецъ	áda-m.
áda-x	два отца	
áda-n	отцы	

съ притяжательными окончаніями.

áda-ñ	мой отецъ	
adá-ki-ñ	мой два отца	
adá-ni-ñ	мой отцы	
túman áda-x̄	нашъ отецъ и насъ двоихъ отецъ	
túman áda-x	наши два отца и насъ двоихъ два отца	
túman áda-n	наши отцы и насъ двоихъ отцы	
adá-n	твой отецъ	adá-mi-n
adá-ki-n	твой два отца	
adá-txi-n	твои отцы	
adá-di-x	васъ двоихъ отецъ	adá-m-di-x
txí'dix adá-di-x	васъ двоихъ два отца	txí'dix adá-m-di-x
txí'dix adá-ci	васъ двоихъ отцы	txí'dix adá-m-ci
adá-ci	вашъ отецъ	adá-m-ci
txí'ci adá-di-x	ваши два отца	txí'ci adá-m-di-x
txí'ci adá-ci	ваши отцы	txí'ci adá-m-ci
adá	его отецъ	adá-gan
adá-ki-x	его два отца	
adá-ñi-n	его отцы	

Абсолютный пад.		Относительный пад.
amákux adā	ихъ двоихъ отецъ	amákux adá-gan
amákux adá-ki-x	ихъ двоихъ два отца	
amákux adá-ñi-n	ихъ двоихъ отцы	
amákun adā	ихъ отецъ	amákun adá-gan
amákun adá-ki-x	ихъ два отца	
amákun adá-ñi-n	ихъ отцы	
adā-n	своего отца	adā-m
adā-txi-n	своихъ отцовъ	

Къ приведенной здѣсь таблицѣ необходимо сдѣлать слѣдующія примѣчанія.

Мы имѣемъ только два окончанія, которыя можно было бы назвать надежными — одно для абсолютнаго, или прямого, падежа и другое для относительнаго, или косвеннаго, падежа. Абсолютный падежь можетъ быть въ предложеніи или субъектомъ или прямымъ объектомъ. Относительный падежь можно назвать также родительнымъ, ибо его основное значеніе — это указаніе владѣнія предмета чѣмъ-нибудь или кѣмъ-нибудь. Этотъ падежь при помощи словъ, называемыхъ мною, какъ увидимъ дальше, препозиционными мѣстоименіями, указываетъ все отношенія какъ между предметами, такъ и между косвенными объектами и глаголами. Этотъ падежь также употребляется въ связи съ атрибутивными словами — прилагательнымъ или причастіемъ — которыя ставятся послѣ определяемаго. Относительный падежь при глаголахъ, инкорпорирующихъ прямой объектъ, является, какъ увидимъ дальше, и субъектомъ.

Гдѣ въ таблицѣ окончаніе относительнаго падежа не указано, тамъ этотъ падежь не имѣетъ особаго окончанія и сходенъ съ абсолютнымъ падежомъ. Тоже замѣчаніе относится и къ другимъ таблицамъ этой статьи. Въ формахъ съ притяжательными элементами указывается число (единственное, двойственное и множественное) какъ владѣмаго предмета, такъ и владѣтеля. Владѣтели двойственнаго и множественнаго числа во всѣхъ трехъ лицахъ обозначаются отдѣльными мѣстоименіями, которыя ставятся передъ владѣемыми предметами. Очень возможно, что старинныя формы не знали отдѣльных мѣстоименій. Такъ вмѣсто túman adax̄, — нашъ отецъ, мы въ Аткинскомъ діалектѣ имѣемъ одно слово adá-ma-s, при чемъ ma очевидно сокращенное мѣстоименіе túman — мы, нашъ, а s есть окончаніе множественнаго числа вмѣсто увалашкинскаго n. Надо полагать, что adámas болѣе древняя форма, чѣмъ túman adax̄.

Вмѣсто амáкух и амáкин можно поставить dual. и pl. любого адвербіального мѣстоименія (см. дальше таблицу адверб. мѣстоименій).

Мѣстоименіе.

Послѣ существительнаго я перехожу къ мѣстоименію, какъ къ части рѣчи, столь же важной въ предложеніи, какъ и существительное. Я дѣлю алеутскія мѣстоименія на три класса: на мѣстоименія чистыя, адвербіальныя и препозиціонныя.

Чистыя мѣстоименія.

Личныя.

	Абсолютный пад.		Дательный пад.
tiñ	я, меня	niñ	миѣ
txin	ты, тебя	ĩmin	тебѣ
túman	мы, насъ	ñin	намъ (pl. и dual.)
txídix	вы двое, васъ двоихъ	ĩndix	вамъ двоимъ
txíci	вы, васъ	ĩnci	вамъ
		ñan	ему
		ĩkin	имъ двоимъ
		ñin	имъ

Возвратныя.

txin	онъ себя	igim	онъ себѣ
txídix	они двое себя	ĩmax	они двое себѣ
txíci	они себя	ĩmañ	они себѣ

Вопросительныя.

		Относительный пад.
kin	кто (относ. человѣка)	
alqúta-x ²	кто (относ. животныхъ), что	alqúta n

Примѣры:

kin ulá	кого домъ его, т. е. чей домъ.
alqútam sixtí	кого пора его, т. е. чья пора.

Чистыхъ мѣстоименій, или мѣстоименій собственно, въ алеутскомъ языкѣ немного. Это, какъ показывастъ предыдущая таблица, суть: личныя, воз-

вратныя и вопросительныя мѣстоименія. Личныя мѣстоименія 1-го и 2-го лица и возвратныя мѣстоименія имѣютъ два падежа — абсолютный и дательный. Личныя же мѣстоименія 3-го лица имѣютъ одинъ только падежъ — дательный. Отсутствие въ нихъ абсолютнаго падежа объясняется тѣмъ, что 3-е лицо, будетъ ли оно субъектомъ или объектомъ въ предложеніи, всегда включаетъ въ себѣ адвербіальный и препозиціонный элементъ. Дательный же падежъ 3-го лица необходимъ для образованія въ именахъ и мѣстоименіяхъ отсутствующаго у нихъ дательнаго падежа. Тогда дательный падежъ 3-го лица личнаго мѣстоименія ставится послѣ относительнаго падежа имени или мѣстоименія; напр.:

ádam-ñan	отца ему, т. е. отцу
ádam-íkin	отца имъ двоимъ, т. е. двумъ отцамъ
ádam-ñin	отца имъ, т. е. отцамъ

Вмѣсто ádam-íkin и ádam-ñin можно еще сказать áдах-íkin и áдан-ñin, т. е. и слово *отца* ставится въ dual. или plur., но въ записанных мною текстахъ чаще встрѣчается первая форма, въ которой casus relatus сохраняетъ окончаніе единственнаго числа.

Вопросительныя же мѣстоименія имѣютъ абсолютный и относительный падежи, какъ и имена.

Адвербіальныя мѣстоименія.

Единственное число.

Абсолютный пад.		Относительный пад.
gwan	онъ возлѣ, рядомъ	gwān
ñnan	онъ вблизи, напротивъ (видимый)	ññān
íkin	онъ далекій (видимый)	í ^é kūn
únan	онъ близкій (невидимый)	umān
ánan	онъ далекій (невидимый)	amān
ákan	онъ на вершинѣ, на самомъ верху	akān
sákan	онъ у подошвы, внизу	sakān

двойственное и множественное число.

gwákux	они оба возлѣ (меня и т. д.)
ññákux	они оба, которые вблизи
amákux	они оба далекіе, невидимые
gwákun	они, которые возлѣ
ññákun	они, которые вблизи
amákun	они далекіе, невидимые

Адвербіальныя мѣстоименія суть личныя мѣстоименія 3-го лица, включаюція въ себѣ также элементъ локальности. Эти мѣстоименія, какъ показывается предыдущая таблица, имѣютъ, какъ и имена, абсолютный и относительный падежи. Адвербіальныхъ мѣстоименій насчитывается болѣе двадцати. Они являются также и указательными мѣстоименіями. Специальныхъ указательныхъ мѣстоименій въ алеутскомъ языкѣ нѣтъ.

Третій классъ мѣстоименій, названныхъ мною препозиціонными, состоитъ изъ личныхъ мѣстоименій, включающихъ въ себѣ препозиціонные элементы, которые выполняютъ функціи нашихъ косвенныхъ падежей и предлоговъ. Въ слѣдующей таблицѣ приводится третье лицо нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстоименій въ трехъ числахъ, съ примѣрами ихъ употребленія.

Примѣры препозиціонныхъ мѣстоименій.

3-ье лицо единственнаго числа.

ílan	въ немъ	ilán	изъ него.
kúgan	на немъ	kugán	съ него.
ádan	къ нему	adán	отъ него.
dágan	у него	dagán	отъ него.
agálan	сзади него (въ покоѣ)	agalán	сзади него (въ движеніи).

Примѣры соединенія препозиціоннаго мѣстоименія съ именемъ существительнымъ.

úlam ilán	дома изъ него, т. е. изъ дома.
úlañ ilán	моего дома изъ него, т. е. изъ моего дома.
ulágan ílan	его дома въ немъ, т. е. въ его домѣ.
ulám ílan	его собственнаго дома въ немъ, т. е. (онъ) въ своемъ собственномъ домѣ.

Примѣры для pl. и dual. третьяго лица.

ilíkín или ilákín	въ нихъ двоихъ.	ilíkín или ilákín и ilkín	изъ нихъ двоихъ.	
ilíñin или iláñin	и ilín	въ нихъ.	ilíñín или ilañín и ilín	изъ нихъ.

Примѣры возвратныхъ формъ.

ilám или ilím	онъ въ себѣ.
ilímax или ilímdix	они двое въ себѣ.
ilímañ или ilímci и ilámañ	они въ себѣ.

ilkiġim, ilakiġim или ilikim	онъ изъ себя.
ilakimdux или ilakimax	они двое изъ себя.
ilakimci или ilakimañ	они изъ себя.

ilán, — какъ и другія препозиціонныя мѣстоименія того же ряда, показывающія движеніе *отъ* или *изъ* предмета, — можетъ быть разсматриваемъ какъ относительный падежъ отъ ílan.

Слѣдующіе примѣры показываютъ формы препозиціонныхъ мѣстоименій для первыхъ двухъ лицъ:

ilimín или ilámín — во мнѣ.

ilínin, ilánin или ílin — въ васъ (dual. и plur.). Для двойств. числа еще говорятъ attukúnin (числительное) ilínin.

ilimín или ilámín	въ тебѣ.
ilimdux или ilámdix	въ васъ двоихъ.
ilimci или ilámci	въ васъ.
ilakimín	изъ меня; отъ меня.
ilakínin	изъ васъ; отъ васъ (dual. и plur.).
ilakimin	изъ тебя; отъ тебя.
ilakimdux	изъ васъ или отъ васъ двоихъ.
ilakimci	изъ васъ; отъ васъ.

Глаголъ.

Какъ переходящіе, такъ и непереходящіе глаголы имѣютъ двѣ формы, воионѣ совпадающія съ аналогичными формами для именъ. Въ основѣ одной формы глагола лежатъ суффиксы абсолютнаго падежа, а въ основѣ другой — притяжательные суффиксы именъ. Вообще между именными и глагольными основами и ихъ измѣненіями формально демаркаціонная линія очень слаба. Такъ, напримѣръ, глаголы могутъ заключать въ себѣ ласкательный, пренебрежительный, ругательный и другіе атрибутивные элементы по отношенію къ дѣйствующему лицу, а имена могутъ соединяться съ идеей о времени, напримѣръ:

qádä	ѣшь;	qádádä	ѣшь, милый.
qaḥ	ѣда;	qáqaḥ	прежняя ѣда.

Первая форма глаголовъ, или первое спряженіе, не включаетъ въ себѣ прямого объекта, т. е. лишена инкорпорации.

Глагольные суффиксы 1-го спряжения.

Основа	su-x ^с	взятіе.	
Singul.		dual.	plur.
1-ое л. sú-qiñ ¹⁾		su-n	su-n
2-ое л. súx ^с -txin		sux ^с -txídix	sux ^с -txíci
3-ье л. su-x ^с		su-x	su-n

Изъ приведенной таблицы 1-го спряженія мы видимъ, что суффиксы 3-го лица соответствуютъ суффиксамъ именъ для единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ. Суффиксъ двойственнаго и множественнаго числа 1-го лица равняется суффиксу множественнаго числа именъ. Суффиксами же единственнаго числа 1-го лица и всѣхъ трехъ чиселъ 2-го лица является суффиксъ основы въ соединеніи съ личными мѣстоименіями: tíñ — я, txin — ты, txídix — вы двое и txíci — вы.

Указанныя въ таблицѣ окончанія глаголовъ по лицамъ и числамъ одинаковы для всѣхъ видовъ глаголовъ. Между этими окончаніями и корнемъ вставляются частицы, указывающія не только время, видъ и залогъ дѣйствія, но и элементы чуждые нашимъ глагольнымъ формамъ, выражающіе образъ дѣйствія, желательность, начало, конецъ, предположеніе и многіе другіе отгѣнки. Такихъ элементовъ можно насчитать болѣе 200.

Чтобы показать, какъ эти разнообразныя элементы инфиксируются между корнемъ и суффиксомъ основы, я беру въ слѣдующей таблицѣ основу для третьяго лица единственнаго числа — su-x^с и вставляю нѣкоторые изъ этихъ элементовъ.

Основа 3-яго лица su-x^с.

sú-ku-x ^с	онъ беретъ или сейчасъ взялъ (ку элементъ совершеннаго времени).
su-lá-ka-x ^с	онъ не беретъ.
su-cxi-ku-x ^с	онъ заставляетъ взять.
su-gá-ku-x ^с	его держать.
su-lga-ku-x ^с	его беруть.
su-xtá-ku-x ^с	онъ имѣетъ взятіе, т. е. онъ держитъ.
sñ-sú-ku-x ^с	онъ этимъ беретъ (элементъ орудія).
su-tú-ku-x ^с	онъ хочетъ взять.

1) Sú-qiñ = súx^с + tíñ.

su-dá-ku-x ^í	онъ всегда беретъ.
su-qalí-ku-x ^í	онъ начинаетъ брать.
su-qadá-ku-x ^í	онъ перестаетъ брать.
su-masú-ku-x ^í	онъ можетъ взять.
su-xtagalí-ku-x ^í	онъ напрасно беретъ.
su-txadá-ku-x ^í	онъ уже беретъ.
su-nagí-ku-x ^í	онъ старается взять.
sú-na-x ^í	онъ взялъ.
su-lagá-na-x ^í	онъ недавно взялъ (сегодня, вчера).
su-dúka-ku-x ^í	онъ возьметъ.
su-dúka-guta-masu-ká-ku-x ^í	онъ братъ опять, можетъ быть, въ состояніи будетъ.

Непереходящіе глаголы ничѣмъ не отличаются въ образованіи этой формы отъ переходящихъ. Тутъ разница будетъ только въ постановкѣ субъекта.

Покойный Штейнталь охарактеризовалъ словообразование мексиканскаго и эскимосскаго языковъ, какъ грамматическій процессъ, въ которомъ слово стремится поглотить предложеніе¹⁾. Этотъ процессъ мы называемъ полисинтетическимъ. Такую тенденцію мы видимъ и въ приведенныхъ формахъ глагола перваго спряженія. Послѣдній примѣръ предыдущей таблицы — *su-dúka-guta-masú-ku-x^í* — составляетъ настоящій конгломератъ идей, въ которомъ первенствующее значеніе имѣетъ первая идея — *взятіе*. Но все-таки въ этомъ конгломератѣ слово еще не вполне поглотило предложеніе. Правда, субъектъ-мѣстоименіе тутъ подразумѣвается, но субъектъ-имя и объектъ при переходящихъ глаголахъ не входитъ въ конгломератъ, т. е. мы имѣемъ тутъ полисинтетическій процессъ, но безъ инкорпорации.

Инкорпорация заключается въ поглощеніи глаголомъ по крайней мѣрѣ прямого дополненія, ибо есть языки, какъ камчадалскій, въ которыхъ переходящій глаголъ инкорпорируетъ и косвенное дополненіе. Прямымъ дополненіемъ можетъ быть имя или мѣстоименіе.

Приведу примѣръ инкорпорации объекта-имени.

Въ алеутскомъ языкѣ имѣется рядъ глагольныхъ элементовъ съ опредѣленнымъ значеніемъ, при помощи которыхъ имя обращается въ глаголъ.

Такъ *si* выражаетъ идею *дѣланія*. Приведу слѣдующіе примѣры.

1) См. H. Steinthal, Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin, 1860, pp. 214, 220.

ĩqyaħ	байдарка.
ĩqya-sĩ-ku-x ^с	онъ дѣлаетъ байдарку.
ĩqya-sĩ-guta-qali-ká-ku-x ^с	онъ байдарку дѣлать опять начать можетъ теперь.

Въ словѣ *ĩqya-sĩ-ku-x^с* прямой объектъ-нмя инкорпорируется глаголомъ, а въ слѣдующемъ примѣрѣ *ĩqya-sĩ-guta-qali-ká-ku-x^с* мы имѣемъ полисинтетическій процессъ, дальше развивающій слово-предложение.

Инкорпорация же объекта-мѣстоименія лежитъ въ основѣ другой формы глагола, къ которой теперь перейду.

Форма второго спряженія со включеннымъ объектомъ.

sú-ku-ñ	я беру его.
su-kú-ki-ñ	» » ихъ двоихъ.
su-kú-ni-ñ	» » ихъ.
su-kú-n	ты берешь его.
su-kú-ki-n	» » ихъ двоихъ.
su-kú-txi-n	» » ихъ.
su-kú	онъ (они двое, они) беретъ, берутъ его.
su-kú-ki-x	» » » ихъ двоихъ.
su-kú-ñi-n	» » » ихъ.
sú-qa-ñ ¹⁾	я его взялъ.
su-dúka-ku-ñ	» » возьму.
su-guta-qasú-ku-ñ-úlu-x	я брать опять желаю его не, т. е. я не желаю его брать опять.

Если субъектъ при сказуемомъ этой формы глаголовъ въ третьемъ лицѣ на лицо, будетъ ли то мѣстоименіе или существительное, то онъ ставится не въ прямомъ падежѣ, какъ при глаголахъ первой формы, а въ относительномъ падежѣ, напр.:

angá-gim sukú	человѣкъ взялъ его.
amákux sukúñin	тѣ двое взяли ихъ.

Мы видимъ изъ предыдущей таблицы, что суффиксы этой формы глаголовъ тождественны съ притяжательными суффиксами именъ. Морфологическѣ *súk uñ* означаетъ такимъ образомъ: *мое теперешнее взятіе* или *angá-gim sukú* означаетъ *человѣка его теперешнее взятіе*, т. е. теперешнее

1) Элементомъ давнопрошедшаго вр. здѣсь является *qa*, а въ первомъ спряженіи — *pa* (см. стр. 1042).

взятіе человѣка. Но въ данномъ случаѣ важно не историческое происхождение этой формы, а пониманіе ея говорящимъ. На самомъ дѣлѣ, алеутъ, насколько я могъ убѣдиться, понимаетъ *súkuñ*, какъ глаголь, и, стало быть, мы тутъ имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ включеніемъ объекта въ предикатъ.

Такъ какъ морфологически алеутскій глаголь со включеннымъ объектомъ есть имя съ притяжательнымъ суффиксомъ, то понятно, почему субъектъ ставится въ относительномъ падежѣ. Такая форма предложенія, въ которомъ дѣйствующее лицо предложенія находится въ косвенномъ падежѣ, побудила нѣкоторыхъ изслѣдователей эскимосскихъ нарѣчій, исходившихъ изъ грамматическихъ категорій древнихъ языковъ, дать этому падежу особое названіе. Такъ, католическій патеръ Барнумъ, изучившій Аляскинскія эскимосскія нарѣчія, назвалъ этотъ падежъ *casus agentialis transit.* въ отличіе отъ падежа, названнаго имъ *casus agentialis intransit.* — падежа, служащаго субъектомъ при непереходящихъ глаголахъ и соотвѣтствующаго моему абсолютному падежу¹⁾.

Другой миссіонеръ, пасторъ Клейншмидъ, изслѣдовавшій гренландскій языкъ и облекшій свою грамматику въ тяжелую философскую форму, видя, что подлежащее при переходящихъ и непереходящихъ глаголахъ имѣетъ различныя окончанія, назвалъ субъектомъ только дѣйствующее лицо переходящаго дѣйствія, для котораго необходимъ еще объектъ, а подлежащее средняго глагола онъ назвалъ *проектомъ*²⁾.

Судя по этимъ изслѣдованіямъ, въ эскимосскихъ нарѣчьяхъ есть одна только форма для выраженія отношенія между субъектомъ и переходящимъ глаголомъ, а между тѣмъ, въ алеутскомъ языкѣ, въ зависимости отъ того, инкорпорируется ли объектъ въ глаголь или нѣтъ, имѣются двѣ формы. Такъ, напр.:

<i>angágix̄ qax̄ súkuñ</i>	человѣкъ рыбу взялъ и
<i>angágim sukú̄</i> ¹	человѣкъ ее взялъ или
<i>qax̄ angágim sukú̄</i>	рыбу человѣкъ ее взялъ

1) См. *Grammatical Fundamentals of the Innuít Language as spoken by the Eskimo of the western coast of Alaska.* By the reverend Francis Barnum, S. J. of Georgetown university, Washington D. C. Boston & London, Ginn & Co. Publishers, 1906, p. 9.

2) См. S. Kleinschmidt, *Grammatik der Grönländischen Sprache mit theilweisem Einschluss der Labradorsprache.* Berlin, 1851, p. 14.

Надо замѣтить, что Барнумъ нашелъ въ аляскинскихъ нарѣчьяхъ шесть падежей или даже семь, если считать особо окончанія для двухъ падежей *agentialis* — переходящаго и непереходящаго. Такое же количество падежей даетъ Клейншмидъ и для гренландскихъ нарѣчій. При сравнительной обработкѣ моихъ лингвистическихъ матеріаловъ я подробно коснусь этого вопроса.

Подлежащее при непереходящих глаголах ставится в абсолютном падежѣ, какъ и при неинкорпорационной формѣ переходящих глаголовъ. Напримѣръ:

angágiḡ uḡucíkuḡ человекъ сидитъ.

Въ алеутскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ также своеобразную инкорпорацию косвеннаго объекта предложена въ непереходящих глаголахъ. Напримѣръ: úlam ílan uḡucíkuḡiḡ — дома въ немъ сижу я, т. е. я сижу въ домѣ и ílan uḡucíkuḡi — въ немъ я сижу тамъ, т. е. (домъ), въ которомъ я сижу. Вообще, измѣненіе непереходящих глаголовъ одинаково съ измѣненіемъ переходящих глаголовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ инфиксирующихся элементовъ, свойственныхъ только тѣмъ или другимъ глаголамъ. Такъ, мы имѣемъ различные элементы для обращенія въ страдательный залогъ переходящаго и непереходящаго глагола, напримѣръ:

súkuḡ	онъ беретъ;	sulgákuḡ	его берутъ
uḡucíkuḡ	онъ сидитъ;	uḡucisxákuḡ	его сажаютъ.

Я говорилъ о полисинтетическомъ характерѣ алеутскаго процесса словопроизводства, но это надо понимать, не какъ исключительное явленіе, а только какъ извѣстную тенденцію въ языкѣ, ибо рядомъ со словомъ-монстромъ, словомъ поглощающимъ предложеніе, мы имѣемъ и предложенія съ артикулированными частями. Можетъ быть на разрушеніе нѣкоторыхъ полисинтетическихъ формъ имѣло вліяніе знакомство Алеутовъ съ русскимъ или англійскимъ языкомъ, но несомнѣнно, что и въ старину, какъ это видно изъ текстовъ, рядомъ существовала полисинтетическая и артикуляціонная формы рѣчи. Напримѣръ, «хорошіи человекъ» можно выразить однимъ словомъ — angágiḡcxísaḡ, въ которомъ опредѣленіе, элементъ cxísa, поглощено опредѣляемымъ, и — angágiḡim ígamaḡá, гдѣ обѣ части рѣчи, существительное и прилагательное, составляютъ отдѣльные слова.

Относительно формъ именъ, глаголовъ и мѣстоименій, освѣщенныхъ уже мной въ извѣстной степени въ этой статьѣ, необходимо прибавить, что онѣ, правда, являются фундаментальными основами строенія алеутскаго языка, основами, которыя образуютъ остовъ языка и которыя можно было подучить только послѣ долгаго изученія и полнаго знакомства съ языкомъ; но онѣ еще не даютъ представленія обо всемъ разнообразіи словопроизводительныхъ формъ, образующихъ мускулы и нервы, которые, облекая остовъ, приводятъ въ движеніе организмъ языка.

Я тутъ только укажу, что въ алеутскомъ языкѣ имѣются слѣдующія грамматическія категоріи: различные виды повелительнаго, сослагательнаго

и условнаго наклоненій, причастія, дѣепричастія и сушинума; вопросительныя, возвратныя и взаимныя формы глаголовъ, числительное, прилагательное и всѣ другія части рѣчи и синтаксическія правила для полнсинтетическихъ и артикуляціонныхъ, инкорпорационныхъ и неинкорпорационныхъ формъ рѣчи, а также для обращенія непереходящихъ формъ глагола въ переходящія и обратно и т. д. Всѣми этими явленіями языка я займусь подробно послѣ обработки собранныхъ мной текстовъ и обширнаго лингвистическаго матеріала.

Какъ въ другихъ изученныхъ мною языкахъ, такъ и въ алеутскомъ языкѣ я старался рядомъ съ главнымъ нарѣчіемъ изучать и діалекты. Такъ я изучалъ аттовское нарѣчіе при помощи отдѣльнаго переводчика, алеута съ острова Атту, котораго я бралъ съ собою и на другіе острова.

На островѣ Аткиѣ я изучалъ аткинскій діалектъ. Въ Петропавловскѣ, на Камчаткѣ, я при помощи алеута съ острова Беринга изучалъ алеутскіе говоры Командорскихъ острововъ. Сравнительное изученіе діалектовъ очень важно, ибо одинъ діалектъ часто объясняетъ то, что непонятно въ другомъ, и даетъ матеріалъ историческаго характера для заключенія о большей древности того или другаго діалекта. Такъ, напримѣръ, аткинскій діалектъ имѣетъ особую приглагольную форму для перваго лица множественнаго числа, которой нѣтъ въ главномъ нарѣчій. Множественное число имѣетъ другой суффиксъ, а аттовское нарѣчіе и фонетически отличается отъ главнаго нарѣчія.

Задача предложенныхъ здѣсь замѣтокъ главнымъ образомъ заключается въ представленіи краткой схемы грамматическихъ отношеній между субъектомъ, объектомъ и дѣйствіемъ въ алеутскомъ языкѣ. Для упрощенія этой схемы я пока не упомянулъ о другихъ окончаніяхъ для абсолютнаго падежа, кромѣ *x̄*, окончаніяхъ, которыя въ концѣ концовъ можно свести къ основному окончанію — суффиксу *x̄*. По той же причинѣ я съ самаго начала не указалъ на имѣющіися уже трудъ объ алеутскомъ языкѣ миссіонера И. Веніамінова, вполнѣдствіи митрополита московскаго Иннокентія¹⁾, такъ какъ мнѣ пришлось бы тогда, уклонившись отъ главной задачи, заняться его критикой. Предварительныя критическія замѣтки о работѣ И. Веніамінова и о сдѣланныхъ имъ переводахъ съ алеутскаго я надѣюсь представить Историко-Филологическому Отдѣленію въ отдѣльной статьѣ.

1) См. Опытъ Грамматики Алеутско-лисьевскаго языка священника И. Веніамінова въ Уналашкѣ. Санктпетербургъ, въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1846.

Алеутская грамматика Веніамінова была изложена по французски V. Pelny: *Esquisse d'une grammaire raisonnée de la langue Aleoute*, Paris, 1879, и по нѣмецки А. Pfizmaier'омъ: *Die Sprache der Aleuten und Fuchsinseln*. Sitzungsberichte der K. K. Akademie der Wissenschaften Philosophisch-historische Classe, Vol. 105 und 106, Wien. 1884.